

ИЗВИНИТЕ, Андрей Степанович, что задержался с ответом. Надеюсь, вы не обидитесь на меня, если я признаюсь задним числом, что не хотел отвечать вам вовсе. Зачем морочить голову читателю нашими личными отношениями? Но замучили знакомые: «Ты что? Так и не ответишь?». Они, если вдуматься, тоже подписчики «Советской культуры» — так сказать, имеют право.

Признаться, меня очень смутил лирический тон вашего послания. Что это вы, право? «Хочу любить Говорухина... Не могу любить Говорухина...» Что подумает читатель?

Словом, никак не могу поддержать избранный вами тон разговора.

Разрешите для начала выразить вам благо-

Добро бы писали для специального издания, скажем, для «Искусства кино». Уникальный журнал! Вот беру свежий седьмой номер, открываю наугад, начинаю читать и сразу спотыкаюсь. «Интегрированный истеблишментом» — язык сломаешь, пока выговорись. «Кинематограф контестации» — а это с чем едят? Имея два высших образования, начинаю чувствовать себя дураком дураком. Лезу в словарь — «контестация» нету. Звоню своему другу Валентину Толстым, доктору философии, — и тот не знает. Стало легче — не я один такой необразованный.

Я не против ученых слов. В специальном издании — пожалуйста. Пусть пишут, пусть издаются. Леса у нас не все еще вырублены.

Ответ критику Андрею Плахову

(«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»

ОТ 24 АВГУСТА 1989 ГОДА)

Куда вы, мастера культуры?

дарность за то, что вы существенно восполнили пробел в моем образовании: оказывается, надо говорить не Сердже Леоне, а Серджио Леоне.

Итак, вы пишете, что Серджио Леоне, прежде чем снять фильм, ставший художественным открытием, выпускал обыкновенные коммерческие поделки. А Стивен Спилберг наоборот: снимал-снимал хорошие фильмы, а потом бац — и начал делать картины, ставшие рекордсменами мирового проката. Причем, как и следовало ожидать, в ваших словах звучит упрек Спилбергу. Мол, Спилберг испортился, а Леоне к концу жизни исправился.

Ну а меня, как вы догадываетесь, больше устраивает вариант Спилберга. (Ах, зачем я не Спилберг?). А знаете, почему? Потому что меня как зрителя не оставляет надежда, что наши кинематографические умники начнут когда-нибудь уважать публику. Это вызовет к ним ответное уважение. И не только со стороны зрителей, но и в самой кинематографической среде. Я уже писал об этом: когда премия «Оскар» вручалась Стивену Спилбергу, весь зал, в котором присутствовала американская киноэлита, встал, приветствуя своего героя.

Вы пишете: «В чем в чем, а в литературном даре этому кинорежиссеру не откажешь». Спасибо за комплимент. Но принять его не могу. Дело не в даре. Литературный талант ныне — дефицит более острый, чем мыло и телевизоры. Что касается меня, то мой секрет более чем прост: я стараюсь писать о том, что волнует не меня одного. И стараюсь писать доступно. Понятно для миллионов читателей.

Многие же ваши собратья по перу пренебрегают этим золотым правилом. В газете с семью — десятью миллионами подписчиков позволяют себе употреблять словечки типа «трансцендентный», «инфернальный», «репрезентативный».

Выражать свои мысли понятно и просто — золотое правило не только для журналиста, критика, но и для всякого интеллигента. Лев Толстой был образованным человеком. Однако ни разу не поддался искушению продемонстрировать энциклопедичность своих знаний. Вспомните, с какой ненавистью он относился к «птичьему языку», к словечкам типа «сублимативный».

А Чехов? Есть свидетельство Бунина о том, как Антон Павлович относился к разного рода литературным умникам. На людях кивал головой, поддакивал, а дома хохотал, хлопал себя по коленке, слезы катились из глаз. Приговаривал: «Ах, такие-сякие! Их бы в арестантские роты отдать!»

Если бы вы, Андрей Степанович, и ваши единомышленники научились уважать зрителя, то естественным путем пришли бы и к уважению читателя. Уверю: это очень изменило бы всех вас. И тогда не надо было бы вздыхать, что одних природа наградила литературным даром, а других — нет.

Напрасно вы, Андрей Степанович, пытаетесь выставить меня эдаким врагом критики вообще. Тоже мне — организованная преступность в киноискусстве! Какой вы, оказывается, подозрительный человек. Все мы — дети системы, но нельзя же до такой степени не верить никому. Вы что же думаете: взяться за перо, навязать дискуссию, которая длится более двух лет, меня побудили личные мотивы? Никаких персональных обид на критиков у меня нет и, надеюсь, не будет. Я и в школе не был отличником, тем более не волнуют меня оценки, выставленные мне критиками сегодня. Готов, чтобы доставить вам радость, признать, что и «Место встречи изменить нельзя» — дрянь, «вялое копирование жанровых образцов». От меня не убудет. Защищаю я не свои фильмы, а свои убеждения.

Года два назад в статье «Заметки ретрограда» («СК» от 17.09 1987 г.) я высказал такое простенькое предложение: мол, может, хватит воспитывать зрителя, давайте учиться уважать его. Оно, помнится, вызвало ярость — вас и вашей команды.

Но с тех пор много воды утекло. Сегодня чуть ли не каждый критик — причем гораздо убедительнее, чем я, — говорит о необходимости уважения к зрителю, требует изгнания скуки с экрана, которая и есть предельное выражение пренебрежения к публике.

Вы продолжаете считать, что нет нужды опускаться до запросов публики, пусть зритель сам дотягивается до вашего уровня (кто бы мне объяснил, что это за «уровень» такой?).

В своей заметке вы говорите о том, что искусство Годара питало кинематограф Спилберга. Мол, Клод Лелюш пишет про Годара: «Это фабрикант, чья продукция нужна другим фабрикантам». Зачем Лелюшу понадобилось так неуклюже формулировать, а вам так пространно цитировать то, что давно уже сформулировано и тысячу раз процитировано? В переводе с «птичьего языка» на простой русский кинематограф Жана Люка Годара называется «искусством для искусства».

Такое искусство всегда было необходимо кинематографу и всегда будет нужно ему. Похоже, вам хотелось бы записать меня в недруги всякого экспериментаторства, сделать противником всех без исключения художников, ищущих новые формы киноязыка. Думаю, не дрогнула бы у вас рука зачислить меня и в антагонисты самого Тарковского. А? Признайтесь? Просто «компромат» не хватает.

Нет, я только против тех, кто напяливает на себя благородную маску Тарковского с единственной целью — скрыть собственное интеллектуальное убожество. Действительно за этой

«иконой» легко спрятаться. Пока зритель разберется, пока увидит, что король-то голый, что на экране бессвязное эпилептическое бормотание, отсутствие элементарных профессиональных навыков, — пройдет время, и, глядишь, автор этого бормотания уже сам причислен к лику святых.

Понимаю, что разобратся непросто. Но для того и критику! Все-таки можно отличить речь от бормотания, полновесный художественный образ от пустой, но «изячной» композиции, наличие гражданской и эстетической позиции от отсутствия таковой. Талантливый критик вполне способен снять, проявить и предъявить художнику такую рентгенограмму.

Но когда бескорыстное служение музам и,

извините за громкие слова, святое служение своему народу подменяется желанием выплясываться, показывать: «Ах, какие мы тонко организованные натурь! Ах, как сложно мы устроены!», тогда критик из бдительного стража у ворот в храм высокого искусства превращается в продажного швейцара, мимо которого валом валит нахальный народ.

Стоило бы только объявить, что любое скучное и непонятное произведение есть высокое искусство, столь необходимое для развития остального искусства, как в кинематограф хлынули бы сотни мистификаторов и проходимцев. И попробуй пойми, кто из них кто — на всех режиссерская униформа (кожа да джинсы) и у всех на лице «маска Тарковского».

Но все это — уже история... Другое время на дворе, другие болезни начинают терзать наш неповоротливый кинематограф. Новый господин рассказывает по закоулкам студий — суровый и не очень-то жалующий тонкие художественные натурь. При нем не только эпигонам, но и самому Тарковскому пришлось бы туго.

Сейчас я вас очень удивлю, Андрей Степанович, если скажу: в этом вот господине я вижу нынче главную опасность. Вы ведь усиленно распускали слухок, что Говорухин, мол, за сплошную коммерциализацию кинематографа. А я, между прочим, говорил совершенно другое. Что кинематограф должен быть живым полноценным организмом. Богатым. Окупающим свои расходы и приносящим прибыль. Вытягивающим в себя таланты и средства. Разным. Кинематографом, в котором одинаково уважались и ценились бы как «искусство для искусства», так и популярные жанры.

Но жанр мы погубили. Его уже не возродить. Во всяком случае не сделать конкурентоспособным на внешнем рынке. Зрителей постепенно отвадили от кинематографа. Их уже не вернуть в кинотеатры. Что же делать? Очевидно, развивать самобытное, национальное. То, на что способны только мы — нация Толстого и Чехова.

И вот тут, когда ни о какой коммерции речи быть не может, грянул хозрасчет. Как свадебный генерал, явившийся на свадьбу, когда гости уже перепились.

К моменту прихода хозрасчета кинематограф наш как раз оказался без штанов. Нищим. Без средств на развитие и модернизацию. Без зрителей. Без зрительских фильмов. Без своих Спилбергов и Серджио Леоне.

О том, чтобы развиваться нормально — без дотаций, без помощи государства, — речи быть не может. Значит, каким будет главный дозвунг нового кинематографа? Да таким же, какой он сейчас у торговой кооперации: прибыль любой ценой!

Любой ценой — коммерческий успех! Чтобы выжить, свести концы с концами.

Что там эпигоны Тарковского с их скучной, с их невнятной речью! Да они покажутся добрыми рыцарями искусства по сравнению с тем джинсовым народом, который начнет (и уже начал!) клепать пошлятины для экрана!

Как это ни покажется парадоксальным, но нашими стараниями, Андрей Степанович, погублено и авторское кино.

Сегодня многие представители авторского кино, действительно талантливые люди, испытывают затруднения уже на стадии замысла. Их замыслы никак не могут заинтересовать объединения, нацеленные на хозрасчет. А это тоже губительно для кинематографа.

Годами разрушая зрительское кино, которое кормит кинематограф, — сначала разрушая его с одного бока, в период застоя, потом — с другого, в период после V съезда кинематографистов, — мы оказались не у одного разбитого корыта, а сразу у двух. У нас нет ни главного искусства — искусства для зрителей, ни того искусства, которое питает кинематограф новыми идеями.

Вот какого рода у меня к вам претензии, Андрей Степанович. А вы, небось, возомнили невесть что. Мол, Говорухин считает вас личным врагом. Ишь чего захотели! Замечательно сказал Оскар Уайльд: «Нужно с крайней осмотрительностью выбирать себе врагов». Я

всегда руководствуюсь этим принципом. Извините за резкость, но вы никогда не занимали моего внимания. Во всяком случае, серьезно-го внимания. Думал: ну, живет себе городской мальчик. Что он видел, кроме Парижа, Вашингтона, Лондона, еще двух-трех десятков столиц? Что он знает о своей стране? О своем народе? О том, что у него болит?

Ну, хочет человек строить счастье кинематографа отдельно от счастья зрителей — пусть строит. А кто сейчас так не поступает? Новые времена, новая интеллигенция. Старая — от Радничева еще — не мыслила найти себе покоя, пока обездолен и несчастен народ; пыталась врачевать его раны или хотя бы облегчить его страдания. Нынешние киноинтеллектуалы набирают очки на пренебрежении к публике. Существует, как у шахматистов, неофициальная таблица рейтингов в кинематографической элите. Чем больше степень презрения к публике, тем выше рейтинг.

У меня все время чешутся руки написать про Сашу Невзорова, блестящего телевизионного журналиста, ведущего популярной ленинградской программы «600 секунд». Написать именно в этом аспекте: как сегодня можно быть полезным своему народу. Саша отрещивается от звания «интеллигент», говорит, что его начальная профессия ни в коем случае не должна называться интеллигентной. Но я бы написал о нем именно как об интеллигенте. Потомственный петербуржец, прямой «потомок» Радничева и Некрасова — человек, свято почитающий девиз русского интеллигента: «Если не я, то кто же?». Как во время войны немецкие летчики кричали в эфире: «Ахтунг, ахтунг! В воздухе Покрышкин!», так сегодня в Ленинграде жулик, бюрократ и прочий сукин сын истошно кричит: «Атас, братцы! «600 секунд!»».

Я видел, как благодарны Невзорову простые ленинградцы — разве что руки ему не целуют.

Вот каким может быть сегодня русский интеллигент!

— Но Невзоров — публицист, — скажете вы. — Мы же — художники.

Вы, конечно, художники. Но если Невзоров, образно говоря, санитар общества, то художник — врач. А врач способен не только поставить диагноз, но и профессионально лечить, снимать боли.

История умеет проделывать неожиданные фортели. Драма повторяется фарсом. И наоборот — то, что звучало крайне иронически, может вдруг обрести серьезный смысл. Вопрос «С кем вы, мастера культуры?», поставленный Горьким, звучал совершенно серьезно, но через какое-то время был совершенно дискредитирован и всерьез не воспринимался. А ныне он вновь обретает свой глубокий смысл.

Иное время на дворе. Другая погода. Страна оказалась над пропастью. А народ — в нравственной пропасти. И художники, мастера культуры — там же. Предстоит коллективный путь наверх. Тут бы самое время взяться всем за руки.

Но прежде хотелось бы получить ответ на старый вопрос: с кем вы, мастера культуры? Неужели сами с собой?

Но вернемся к нашему спору. Вы пишете: «Наши нежные чувствительные режиссеры вряд ли перенесли бы тон, в котором высказывается критика на Западе, когда хочет «уничтожить»».

Не знаю, что она говорит о режиссерах, но осведомлен теперь о том, как она высказывается о вас. О вас лично. Позвольте процитировать статью Уве Энгельбрехта из западной газеты, где он разносит московский кинофестиваль. Разумеется, цитирую не для вас, вы-то статью читали. Но поскольку в наш диалог во-влечены сотни тысяч подписчиков, пусть ознакомятся и они.

«Уместно, пожалуй, употребить слово «монополья», сыгравшее роковую роль в отборочной комиссии все делалось в соответствии со вкусом Андрея Плахова, одного из секретарей союза. Он составил программу, исходя из своего в высшей степени личного пристрастия к эстетике и эпигонам Тарковского»...

Вы, небось, обиделись на меня за мою статью о московском кинофестивале, где я неслестно отозвался о скучной, неуважительной к кинозрителям программе фильмов. А за что? Я был мягок с вами, как мягок грибник, нашедший сыроежку, — боится повредить хрупкую шляпку. То, что знает господин Энгельбрехт, знал и я. Но писал осторожно, чтобы не обидеть вас. Жалел. Думал: зачем ударить лежачего? Осознал человек. Понял, что кинофестиваль, за который он несет полную ответственность, провалился.

А вы, оказывается, вовсе не лежачий. Крепко стоите на ногах да еще и дубинкой размахиваете.

Ничего не имею против вашего личного вкуса. Когда это касается лично вас. Но когда ваши «в высшей степени личные пристрастия» распространяются на весь кинематограф, на всех зрителей, считаю своим долгом заступиться за них.

С искренней надеждой, что нам не придется больше занимать внимание подписчиков нашей личной перепиской.

Станислав ГОВОРУХИН.

НА
ФОТОКОНКУРС

Театр-студия творческих мастерских СТД «Чет-Нечет» показал новый спектакль «Полтора левых часа». Это — веселая чехарда из произведений Даниила Хармса и Александра Введенского.

Зрители встретились с уже знакомой обаятельной Елизаветой Бам, с трагикомическими Куприяновым и Наташей. Поставил спектакль Александр Пономарев. ● Наташа — Юлия Григорьева, Куприянов — Борис Репетур.

● Елизавета Бам — Ирина Автух. ● Петр Николаевич — Александр Пономарев. Фото А. Сизухина.